

УДК 94(476)«1917/1941»

СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА ПОЛОЦКА В 1917–1941 ГОДАХ

А.А. ОГОРОДНИКОВ

(Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)

Рассматривается трансформация социальной сферы Полоцка в период 1917–1941 годов, охватившая все пространство городской жизни – от условий труда и быта, образа жизни, благосостояния и досуга горожан до социально-классовых, конфессиональных и национальных отношений. Анализируются коренные изменения в системе образования, культуре, здравоохранении, социальном обеспечении, коммунальном хозяйстве, в менталитете и городском пространстве Полоцка. Делается вывод, что подобная трансформация была вызвана социально-экономическими и политическими процессами, происходившими в БССР со времени Октябрьской революции до начала Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Полоцк, городское пространство, социальная сфера.

Введение. Понятие социальной сферы охватывает все пространство жизни человека – от условий его труда и быта, здоровья и досуга, образа и уровня жизни, благосостояния и потребления до социально-классовых, конфессиональных и национальных отношений. Также в понятие социальной сферы входит образование, культура, здравоохранение, социальное обеспечение, общественное питание, коммунальное обслуживание, связь и прочее.

Период с 1917 по 1941 годы был временем серьезных изменений в социальной сфере Полоцка. Трансформация продуцировалась социально-экономическими и политико-идеологическими процессами, происходившими в Советской России, БССР и СССР со времени Октябрьского переворота до начала Великой Отечественной войны.

Основная часть. Одним из важнейших направлений развития социальной сферы Полоцка в период 1917–1941 годов было совершенствование системы образования.

Начало организации новой системы народного образования в Полоцке было положено сразу после установления советской власти. Газета «Известия армейского Совета солдатских депутатов III армии и Полоцкого Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» (№ 18 от 25 января 1918 года) выразила установку новой власти: школа – это «... оплот революционного строительства новой жизни, проводник света в темные массы, воспитательница новых поколений, носительница прогресса. Школа перестала быть оружием угнетения в руках господствующих классов» [1].

Старая сословная школа была упразднена, началось строительство новой, советской единой трудовой школы, секуляризованной и общедоступной. Уже в 1918–1919 учебном году в Полоцке было 11 школ первой и второй ступеней образования [2].

В Полоцке получило развитие школьное образование для нацменьшинств. С апреля 1919 года в городе начала действовать польская национальная школа. Число учащихся в ней составляло свыше 100 человек [3, с. 63]. В 1921 году в городе уже действовали две еврейские школы [4], где обучался 181 ребенок [5, с. 80].

В 1920 году в Полоцке, по данным демографической переписи населения, насчитывалось 2909 детей школьного (8–15 лет) возраста, из них грамотными были 2098 детей (72 %) [6].

Кроме развития школьной системы, происходило становление профессионально-технического образования. Так, 15 сентября 1920 года в Полоцке открылось профессионально-техническое училище с четырехгодичным сроком обучения для подготовки специалистов лесного хозяйства [7].

20 сентября 1921 года в Полоцке состоялся IX уездный съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. В резолюции съезда подчеркивалась «... необходимость улучшения деятельности школ, открытия специальных учебных заведений» [8, с. 360]. При этом губернскими отделами народного образования еще в августе 1921 года строго предписывалось, что лицам, не достигшим 18 летнего возраста, в учебные заведения, в которых преподавались религиозные верования, не допускались [9].

Зимой 1922 года в городе был открыт рабочий факультет (рабфак), готовивший рабочую молодежь для поступления в вузы [10, с. 180].

В начале 1920-х годов в учебных и дошкольных учреждениях реализовывался принцип трудового воспитания. Повсеместно внедрялось ученическое самообслуживание: уборка и приведение в порядок своих помещений, украшение комнат, дежурство, участие в приготовлении пищи в детдомах, помощь старших детей младшим.

Положительной тенденцией на протяжении 1919–1923 годов было увеличение количества учащихся в городе: если в 1919 году в Полоцке обучалось 2602 ученика, то в январе 1923 года – уже 3040 детей [3, с. 61].

15 августа 1924 года в Полоцке был создан окружной отдел народного образования, что позволило властям целенаправленно проводить работу по развитию системы образования в городе [8, с. 359]. В сентябре 1924 года в Полоцке была открыта вечерняя школа рабочей молодежи [11, с. 189].

В 1924–1925 учебном году в городе действовало 9 школ, включая польскую и еврейскую [12]. В 9 городских школах обучалось 2758 учеников, в вечерней школе – 45 человек [10, с. 180] (рис. 1).

Рисунок 1. – Ученики Полоцкой еврейской школы с учителями, 1925 год [12]

Источник: НПИКМЗ. – Ф. КП. Оп. 014118.

Была в городе и школа «... для трудновоспитуемых детей, сначала она называлась для умственно-отсталых, затем для переростков» [13].

В 1925–1926 учебном году в начальной школе обучалось 86 % детей, в 5–7 классах семилетней школы – 57 % детей [11, с. 189].

В 1927 году в Полоцке работало 18 общеобразовательных школ и специальных учебных заведений: 9 семилетних и 4 начальные школы, школа рабочей молодежи, школа повышенного типа для взрослых, лесной техникум и педагогический техникумы, лесная профтехшкола. Всего в школах города обучалось 3129 детей и работало 139 учителей [10, с. 180].

Таким образом, за первое десятилетие советской власти в Полоцке была создана школьная сеть, обеспечившая обучение в 1,5 раза большего количества учащихся, чем до революции. Число учителей за этот период в школах города увеличилось в 3 раза. Существенно изменился классовый состав учащихся. В большинстве это были дети рабочих, крестьян и интеллигенции [11, с. 190].

В 1930-х годах работа по совершенствованию системы образования была продолжена. В 1930–1931 учебном году почти все дети школьного возраста и «переростки» были охвачены начальным образованием.

Школы стали работать по единым учебным программам, планам и учебникам. Эта унификация положительно сказалась на уровне преподавания и качестве знаний учащихся.

В 1930-х годах в СССР началась постепенная реорганизация школ. В соответствии с этой реформой в 1934–1935 учебном году в Полоцке работали школы трех типов: начальные, неполные средние и средние. В городе имелось 88 комплектов начальных классов, в которых занимались 2542 человека, 69 комплектов 5–7 классов с 1079 учащимися, были вновь созданы 9 комплектов 8–10 классов с 268 учащимися. Общее число учащихся достигло 3889 человек [10, с. 182].

Ко второй половине 1930-х годов польские и еврейские школы в Полоцке перестали существовать. Последняя из национальных школ в городе (польская неполная средняя) постановлением бюро Полоцкого райкома КП(б)Б от 21 июля 1937 года была закрыта со следующей официальной формулировкой: «... отсутствие базы для существования польской школы» [14].

В 1940–1941 учебном году в Полоцке работало 16 общеобразовательных школ, из них 9 средних и 7 семилетних школ. В них обучалось 5767 учащихся и работало 269 учителей. В городе имелись две вечерние школы. Кроме того, 180 человек обучалось в двухлетней школе медсестер [8, с. 360].

В Полоцке также работали 4 средние специальные учебные заведения – строительный техникум, лесной техникум, школьное и дошкольное педагогические училища. В них обучалось 937 студентов и работало 70 преподавателей [15, с. 64].

На протяжении 1920-х – 1930-х годов в Полоцке ежегодно увеличивалась сеть детских яслей и детских садов.

Уже в начале 1920 годов в городе работало 8 детских садов (396 детей, 24 воспитателя) и один детский дом (40 воспитанников), который был создан на базе детского приюта, открытого в апреле 1918

года в помещениях Спасо-Евфросиньевского монастыря. Приют содержался на средства монастыря, воспитателями в нем были монахини и послушницы [11, с. 188]. Из 8 детских садов в Полоцке было четыре русских, три еврейских и один польский [16].

На начало 1937 года в Полоцке (учитывая Боровуху-1, Боровуху-2 и Экимань) имелось 17 детских садов. В них воспитывалось 1032 ребенка и работало 62 воспитателя [17].

В начале 1940 года только в городе имелось 6 детских яслей на 285 мест и 12 детских садов на 825 мест [8, с. 360].

Для детей рабочих и служащих каждое лето организовывались пионерские лагеря. Так, в 1936 году оздоровительными мероприятиями в городе было охвачено около 5 тыс. детей [11, с. 187].

С начала 1920-х годов в Полоцке усилилась работа по воспитанию детей в социалистическом духе, чему способствовала деятельность пионерской организации. Первые пионерские группы в Полоцке появились в 1922 году. Их организаторами были комсомольцы города. В 1923 году эти группы были объединены в пионерские отряды. К августу 1924 года в Полоцке имелось 4 пионерских отряда, в феврале 1925 года их было уже 16 [10, с. 180].

Острой проблемой в первые послереволюционные годы являлась неграмотность значительной части населения. Для разрешения этой задачи власти Полоцка еще летом 1920 года открыли в городе 5 школ для обучения азам грамоты – ликвидпункты, число которых к концу 1920 года увеличилось до 27 [3, с. 66].

Зимой 1920–1921 года в Полоцке активизировалась работа по ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослого населения. Для этой цели при школах, клубах, избах-читальнях были созданы ликбезы – кружки по ликвидации неграмотности и малограмотности. Однако из-за нехватки средств школы и кружки ликбеза не могли принять всех желающих учиться. Начиная с 1921 года в Полоцке открываются 3-х месячные курсы по подготовке ликвидаторов безграмотности [18].

Работа по ликвидации неграмотности была продолжена и во второй половине 1920-х годов. При этом окончательно ликвидировать неграмотность среди взрослой части горожан Полоцка во второй половине 1930-х годов так и не удалось. По состоянию на 28 января 1937 года в Полоцке было неграмотных и малограмотных 1983 человека [19].

В начале 1920-х годов профсоюзные организации города приступили к организации профессионально-технического образования подростков в возрасте от 14 до 18 лет: в Полоцке были открыты 3 профтехшколы (при профсоюзах полиграфического производства, металлистов и швейников). Для производственного обучения в профтехшколах из числа лучших мастеров были подобраны 11 инструкторов [10, с. 179].

В 1920-е годы в Полоцке, наряду с учреждениями школьного, профессионально-технического образования и образования для взрослых, существовали и учреждения военного образования. С ноября 1920 по октябрь 1922 года в здании бывшего кадетского корпуса действовали 43-е объединенные Полоцкие курсы красных командиров. Число курсантов составляло 1100 человек, состоялись три выпуска курсов [20, с. 5].

В первые послереволюционные годы в Полоцке ощущалась острая нехватка педагогических кадров для школ. Эта проблема частично решалась за счет организации одногодичных педагогических курсов [21]. В конце 1920 года на таких курсах занимались 139 человек [10, с. 179] (рис. 2).

Рисунок 2. – Полоцкие педагогические одногодичные курсы при отделе народного образования, 23 июня 1925 г. [21]

Источник: НПИКМЗ. – Ф. КП. Оп. 024893.

Во второй половине 1920-х – 1930-х годов проблема учительских кадров в Полоцке была решена за счет подготовки учителей на курсах, в местном педтехникуме [22] и в республиканских педагогиче-

ских вузах. Если в 1924–1925 учебном году в 9 школах города работало 96 учителей, то в 1940–1941 в 16 школах – 269 учителей [10, с. 182] (рис. 3).

Рисунок 3. – II-й курс Полоцкого педтехникума в 1928–1929 учебном году [22]

Источник: НПИКМЗ. – Ф. КП. Оп. 033382.

С началом в БССР политики белорусизации и переходом в 1925 году всех учреждений и школ на преподавание на белорусском языке, в Полоцке и округе возникли проблемы с белорусскими учебниками. Газета «Красный пахарь» писала, что в начале 1925–1926 учебного года «... получено и распространено по 30 белорусских букварей на каждую школу» [23].

В связи с проведением в республике политики белорусизации также остро обозначалась проблема кадров, в первую очередь – нехватка служащих и учителей, владеющих белорусским языком. В марте 1925 года в Полоцке и округе был проведен учет учителей, которые свободно владели белорусским языком и могли преподавать на нем. Так, обнаружилось всего 20 таких учителей [24, с. 5].

Для разрешения данной проблемы Народным комиссариатом просвещения БССР было предписано в 1925–1926 учебном году открывать курсы по белорусоведению в каждом округовом центре, с годовым сроком обучения, на 60–80 персон, а в каждом районном центре – с шестимесячным сроком обучения на 35–40 персон [25].

В учреждениях города были составлены списки работников, которым надлежало в короткий срок овладеть белорусским языком. В списке секретариата Окрисполкома среди первых в этот список были включены заведующий ЗАГС Я. Голубев, бухгалтер М. Идельчик, старший делопроизводитель Г. Ермолович и другие [26].

Начиная с 1925 года в Полоцке значительно активизировались практические мероприятия по осуществлению национальной политики белорусизации [27].

Однако проведение политики белорусизации в БССР вызвало крайне неоднозначное отношение к ней в Полоцке. Лишь незначительная часть интеллигенции ее приветствовала, настороженно или же враждебно к белорусизации отнеслось большинство педагогов и служащих Полоцка.

Позиция большинства, тех, кто был недоволен политикой белорусизации в Полоцке, красноречиво отражена в воспоминаниях И. П. Дейниса, работавшего в середине 1920-х годов в органах образования. Так, он отмечал, что «... создалась группировка нацдемов, которые создавали искусственный белорусский язык, ... делали белорусский язык таким, чтобы он как можно меньше имел общего с русским языком, ... готовился переход на латинский шрифт. ... Нацдемы мечтали о выходе БССР из СССР и превращение в «самостоятельное» буржуазное государство. ... Все учреждения и школы перешли на белорусский язык. Все собрания проводились на белорусском языке. Некоторые учителя и работники других специальностей покинули Полоцк и переехали в РСФСР. От учителей требовали, чтобы они и дома разговаривали на белорусском языке» [13].

В мае 1926 года группа полоцких учителей подготовила статью «Вражда из-за языка», которая была направлена в ЦИК СССР, в ней учителя призывали отменить «... насильственное введение белорусского языка в школах и учреждениях, так как к тому нет решительно никаких ... оснований» [28, с. 150].

Власти, действуя в русле большевистской нетерпимости к любому проявлению несогласия с партийной линией, в данном случае – с курсом на белорусизацию, организовали пропагандистскую кампа-

нию по разоблачению в Полоцке «партии черносотенных учителей», в которую были записаны местные учителя А. Пщелка и А. Пигулевский [28, с. 150]. Белорусизация в Полоцке была продолжена вплоть до начала 1930-х годов в связи с разгромом в БССР «нацдемовщины».

Значительные успехи были достигнуты в Полоцке за 1917–1941 годы в организации системы здравоохранения.

В 1913 году в Полоцке было 2 больницы – земская на Верхнем замке и еврейская по улице Невельской. В этих больницах работали 3 врача, 4 лекарьских помощника и 2 акушерки, было 35 коек. Также горожане могли рассчитывать на помощь частнопрактикующих врачей [10, с. 178].

С завершением советско-польской войны советские органы власти принимали меры к восстановлению и развитию в городе системы здравоохранения. В 1921 году в здании кадетского корпуса на базе земской больницы была открыта Народная больница на 150 коек. Она включала терапевтическое, инфекционное, родильное, хирургическое и сифилитическое отделения [29, с. 9]. В Народной больнице граждан обслуживали 6 врачей, 1 лекарь, 2 акушерки, 1 провизор, сестры санитары и сиделки [30]. С 1923 года при Народной больнице открывается детское отделение [31].

21 февраля 1924 года Полоцкой Народной больнице присвоено имя В.И. Ленина, и она была преобразована в Полоцкую городскую больницу. При ней работали три врачебных амбулатории и кожно-венерологический диспансер. В 1926 году при больнице открылся родильный приют и противотуберкулезный диспансер [32, с. 16], в 1927 году – ЛОР- и гинекологическое отделения [33, с. 8].

Совершенствование системы здравоохранения продолжалось в Полоцке и в последующие годы. В 1932 году в городе открывается первый физиотерапевтический кабинет, в 1933 году – водолечебница и инфекционное отделение. В 1933 году была образована Полоцкая станция переливания крови, в 1935 – инфекционное отделение. В период с 1935 по 1941 годы совершенствуется система обследования населения [34].

В начале 1940 года в Полоцке было уже 2 больницы на 380 коек. Кроме того, работали 2 поликлиники, 2 консультации и несколько медпунктов на предприятиях. В этих медицинских учреждениях работал 41 врач, 19 фельдшеров и акушерок, 88 медицинских сестер [8, с. 362].

Количество врачей в Полоцке к этому времени увеличилось более чем в 11 раз по сравнению с 1913 годом. Население города обеспечивалось бесплатно всеми видами медицинской помощи. Городская больница имени Ленина оказывала медицинскую помощь не только горожанам, но и населению окружающих районов [11, с. 187].

На протяжении 1920-х годов в Полоцке остро не хватало квалифицированных медицинских кадров. Так, в 1927 году 41 % врачебных должностей в городе не был укомплектован, только 19 % врачей имели стаж более трех лет, а у 37 % докторов не было и годового опыта работы. Медики в Полоцке не стремились, поскольку окружной здравотдел не мог предоставить им элементарные культурно-бытовые условия [35, с. 21].

Ситуация изменилась к лучшему с началом 1930-х годов, когда врачебные вакансии в Полоцке заполнили выпускники медицинских вузов и медицинских училищ, прибывшие в город на работу по распределению.

В ходе социалистического строительства партийно-советские органы Полоцка предпринимали меры к развитию системы социальной защиты населения. Сразу после окончания советско-польской войны городские власти прибегли к активным действиям по защите сирот и ликвидации детской беспризорности, так как эта проблема крайне обострилась в послевоенный период. По этому поводу в конце 1920 года НКВД свидетельствовал, что «... по ж/д ... разъезжают дети без призора, ... встречаются сироты» [36].

С 1920 года в Полоцке начал действовать дом ребенка имени Самойловой [8, с. 359]. Уже в конце 1921 года в Полоцком детском доме насчитывалось 40 воспитанников [37].

В 1921 году в городе были открыты два общежития для бесприютных и нетрудоспособных граждан: в первом из них содержалось 45 призреваемых, во втором – 16. Большинство призреваемых – совершенно не трудоспособные старики и старухи в возрасте 60–70 лет [38]. В 1925 году инвалидный дом был реорганизован в интернат [8, с. 359].

Однако санитарное состояние детских домов и приютов в первой половине 1920-х годов было удручающим. Так, после проверки в январе 1922 года детского очага, расположенного по улице Ленинской 35, начальником первого района Полоцкой советской милиции Мазуровым было выявлено следующее: «... на кухне полно дыму ... чистота не удовлетворительная, лестница ... грязная, посыпана песком, ... умывальник ... в неисправном виде, ... уборной ... не имеется ... помой, собираемые на кухне, выливаются через окно 2-го этажа во двор, ввиду чего во дворе полнейшая грязь» [39].

Причиной такого бедственного положения детских домов и приютов в первой половине 1920-х годов было крайне скудное финансирование со стороны Полоцкого уисполкома [40]. В свою очередь это было связано с тем, что город только начинал развивать социальную сферу, постепенно наращивая затраты на нее, поэтапно восстанавливаясь от революционных событий и иностранной военной интервенции.

Во второй половине 1920-х – начале 1930-х годов партийно-советские органы власти продолжили держать на контроле состояние учреждений социальной защиты. Так, бюро Полоцкого райкома КП(б)Б

11 января 1937 года приняло постановление «О положении дошкольного детдома». Бюро приняло решение считать постановку работы неудовлетворительной: руководство детского дома не смогло организовать сталинской заботы о детях. За необеспечение должных условий проживания детей, заведующая Полоцким детским домом Е. П. Тварнович была снята с работы [41].

1 июня 1937 года для координации работы всех советских органов и учреждений в деле социальной защиты населения в составе Полоцкого горисполкома был образован отдел социального обеспечения [8, с. 361].

Советская власть, формируя социалистический быт и «советского человека», уделяла большое внимание становлению здорового образа жизни. Для занятий спортом в Полоцке в течение 1920-х – 1930-х годов были построены лодочная станция, многочисленные спортивные площадки. На берегу Западной Двины был построен городской стадион с северными и южными деревянными трибунами [13].

В 1930-х годах в Полоцке стали на регулярной основе проводиться спортивные соревнования. В это же время были введены спортивные комплексы на значок «Будь готов к труду и обороне», сдавший нормы получал значок I и II разрядов [13].

Летом 1936 года в Полоцке прошел окружной шахматно-шашечный турнир [42]. 1–3 сентября 1936 года в Полоцке была проведена первая колхозно-совхозная спартакиада. Так, соревнования прошли по легкой атлетике, велоспорту, плаванию, городкам, футболу и волейболу [43].

Важным направлением политики большевиков являлось проведение культурной революции для создания повседневной среды, социалистической по форме и содержанию. Поэтому, несмотря на все тяготы революционного и военного времени, большевики в Полоцке стремились не только возобновить, но и углубить культурную работу.

С марта 1919 года в Полоцке начинает работу музыкальная школа, в задачу которой входило среднее образование и развитие музыкального искусства [44, с. 82].

Занятия в музыкальной школе проходили по курсу фортепиано, скрипки, сольного пения, виолончели и духовых инструментов. Музыкальная школа в 1920 году была реорганизована в Государственную специальную музыкальную школу I ступени, а также на ее базе создана Первая Полоцкая народная музыкальная школа для взрослых. В 1921 году в спецшколе занималось 390 человек, в народной музыкальной – 360 учащихся. Преподавателей в обеих школах было 11 человек [44, с. 83]. В том же году создается любительский Интернациональный народный хор из 48 человек [45].

В 1919 году в Полоцке открылся городской театр, именовавшийся «Народным домом». В 1921 году в городе были созданы русская, еврейская, польская драматические труппы. Также драмкружок при клубе милиции, театр рабочей молодежи [44, с. 87].

Одним из первых в Полоцке профессиональных учреждений культуры стала Народная художественная школа, которая была открыта 15 июля 1920 года [46].

Важную роль в развитии советской культуры в Полоцке играли клубы, библиотеки и другие культурно-просветительные учреждения. В конце 1920 года в Полоцке работали 6 клубов, 4 избы-читальни и 8 библиотек [11, с. 191].

Одним из первых был образован клуб при станции Полоцк – 1, который стал центром культурной работы среди железнодорожников.

В 1921 году в Полоцке были созданы новые культурно-просветительные учреждения. В марте в здании бывшей гостиницы «Лондон» открыт Дворец труда, в июне – клуб профсоюзов [8, с. 360].

Значительную работу среди молодежи проводил Комсомольский клуб, в котором работали кружки по политическому просвещению молодежи, по политэкономии, драматический, литературный и спортивный [47] (рис. 4).

Рисунок 4. – Полоцкий Комсомольский спортивный кружок, середина 1920-х годов [47]

Источник: НПИКМЗ. – Ф. КП. Оп. 003151-08.

При клубах создавались коллективы художественной самодеятельности, которые ставили спектакли, организовывали концерты. В городе были созданы два оркестра – духовой и струнный.

В середине 1920-х годов культурно-просветительная работа в городе активизировалась. В 1925 году в Полоцке работали 3 клуба (партийно-рабочий, комсомольский и пионерский), центральная библиотека, театр и кинотеатр [48]. Ряд клубов и библиотек находился в ведении профсоюзов: Дом народного просвещения, железнодорожный клуб, Дом крестьянина с клубом и библиотекой при нем и некоторые другие [11, с. 183].

Перед началом Великой Отечественной войны в Полоцке имелось 11 клубов и несколько десятков «красных уголков». В городе была завершена радиофикация, радиоточки имелись во всех домах рабочих и служащих: в начале 1940 года их было около 3200 [10, с. 183].

В рамках культурно-идеологической революции в 1920-х – 1930-х годах власти активно внедряли в городскую повседневность новые советские праздники. Главными праздниками стали день Октябрьской революции и 1 мая. В эти праздничные дни на полоцком аэродроме проводились демонстрации трудящихся и военные парады [13].

1 мая 1937 года трудящиеся города встречали «... праздник международной пролетарской солидарности в обстановке всемирно-исторических побед социализма, под знаменем самой демократической в мире Сталинской Конституции» [49]. Тем самым демонстрировались полная поддержка и солидарность пролетариатом Конституции СССР, принятой 5 декабря 1936 года.

В русле развития советской культуры население активно приобщалось к книге. В 1934 году общий книжный фонд всех городских библиотек Полоцка составлял 347 тыс. книг [11, с. 193].

В 1936 году крупнейшими в Полоцке библиотеками были Центральная районная библиотека (книжный фонд – 21204 книги) и библиотека городского Дома просвещения (5520 книг) [50].

Поскольку в Полоцке отсутствовали детские культурные учреждения, городские власти запланировали в 1937 году выделить 184 тыс. рублей на обустройство в здании бывшего костела детского театра [51]. Однако эти планы не были осуществлены.

В 1930-х годах значительное развитие приобрело народное самодеятельное творчество. Заслуженным уважением у полоцких зрителей пользовались коллективы художественной самодеятельности Дома учителя (струнный оркестр, домровый квартет и хор), клуба кустарей (драматический коллектив) и железнодорожного клуба [11, с. 194].

Большевики считали кинематограф мощным средством пропаганды. Поэтому в Полоцке в межвоенный период (1921–1941 годы) последовательно росла численность киноустановок. С 1920 года в национализированном кинотеатре начал работать кинотеатр «Интернационал» [11, с. 192].

В 1936 году в Полоцке насчитывалось 5 стационарных и 5 передвижных киноустановок. При этом 9 из них принадлежали эпохе «немое кино» и только киноустановка в клубе им. Ленина при войсковой части была звуковой [52]. В 1938 году на улице Советской открылся новый кинотеатр «Интернационал» на 600 мест [8, с. 361].

В начале 1920-х годов перед партийно-советскими органами встала необходимость организации работы по сохранению и изучению историко-культурного наследия.

Весной 1920 года в Полоцке образуются первые любительские кружки по изучению истории Полотчины. 18 июля 1920 года организована Полоцкая уездная комиссия по охране памятников древности и искусства [8, с. 359]. Комиссия провела большую работу по обследованию состояния и описанию памятников истории и культуры Полоцка (Софийского и Николаевского соборов, Спасо-Евфросиниевской церкви, памятника героям Отечественной войны 1812 года, вала Ивана Грозного и других).

2 июня 1925 года городские памятники обследовала комиссия с участием руководства Полоцкого окрисполкома и сотрудника Инбелкульта Н. Н. Щекочихина. По итогам работы был составлен акт, в котором устанавливалось, что Замковая гора, Софийский собор, Спасская церковь, цитадельный вал и другие исторические памятники берутся под охрану государства. В акте подчеркивалось, что «... указанные памятники под угрозой ответственности ... не могут ... разбираться, ... ремонтироваться и перестраиваться, какими бы надобностями это не было обусловлено» [53].

Властями были предприняты меры по охране и консервации наиболее ценных памятников истории и культуры. Городская комиссия организовала сбор старинных книг и экспонатов для краеведческого музея [10, с. 182].

В июне 1925 года был утвержден устав Полоцкого краеведческого общества, председателем правления которого стал И. П. Дейнис. Общество состояло из следующих секций: историко-археологической, этнографической, сельскохозяйственной, промышленной, естествоведческой, еврейской и польской [54, с. 58].

Временем наибольшего подъема краеведческого движения в Полоцке был конец 1920-х годов. В этот период краеведы активно собирали и фиксировали материалы по истории Полотчины, вели летопись города, принимали участие в археологических и этнографических экспедициях по Полоцкому округу [54, с. 59]. С началом развязанной властями кампании по борьбе с «нацдемовщиной» краеведческое движение в Полоцке пошло на спад.

Основным направлением конфессиональной политики органов Советской власти в начале 1920-х годов был административный контроль и наблюдение за деятельностью церкви [55, с. 306].

К 1923 году все религиозные объединения на территории Полоцка и Полоцкого уезда должны были зарегистрироваться как организации для исполнения культа «... не преследующие целей извлечения прибылей» [56]. Так, с 1 августа 1922 года по 1 апреля 1923 года заявления об утверждении и регистрации религиозных обществ в Полоцке подали Покровская церковь, Софийский собор, Ивано-Богословская церковь, Богоявленская церковь, Николаевский собор, Лютеранская церковь, католический костел, Экиманская церковь, Старообрядческая церковь, церковь евангельских христиан-баптистов [57].

В этот период советская власть, не желая настраивать подавляющее большинство населения против себя, не прибегала к массовым репрессиям в отношении служителей культа и основной массы верующих.

Тем не менее, власти повели последовательную борьбу с религией. В городе создавались «... общества воинствующих безбожников. ... Работали клубы, в которых читались ... лекций по основам естествознания, на ... антирелигиозные темы» [13].

Элементами антирелигиозной борьбы в Полоцке были десакрализация религиозных ценностей и культовых зданий, а также вскрытие мошей.

13 мая 1922 года состоялось прилюдное вскрытие мошей преподобной Евфросинии Полоцкой. После вскрытия мошей Витебский губисполком направил в Полоцк телеграмму под грифом «секретно», в которой предписывалось «... останки Евфросинии ... оставить открытыми до 20 мая для обозрения населения» [58]. В свою очередь, эта акция глубоко оскорбляла чувства верующих [54, с. 288].

После прилюдного обозрения останки Евфросинии были переданы в Витебский губернский краеведческий музей [13].

23 июня 1922 года в Полоцке состоялось вскрытие мошей святого Андрея Баболи [60, с. 62]. Первоначально останки Баболи были отправлены в Москву, в музей здравоохранения для экспонирования, однако Польшей была направлена нота Советскому правительству [61, с. 210] и останки Андрея Баболи переданы в Рим, в обмен на советских политзаключенных, находившихся в Польше [13].

Вскрытие мошей должно было, по задумке советских властей, развеять слухи, «... что Бог накажет всех неверующих, кто дотронется до святыни ... и насколько эти останки бессильны были предотвратить вскрытие их или наказать вскрывавших» [13].

Весной 1922 года органы ГПУ провели в Полоцке операцию «Боевик» по изъятию церковных ценностей под прикрытием, что все изъятое будет обращено на помощь голодающим Поволжья. В телеграмме Витебского губотдела ГПУ полоцким властям устанавливалось, что операцию «... изъятия церковных ценностей видите с полной энергией в спешном порядке, не допуская никаких послаблений ... за укрывательство ценностей, порчу инвентарных книг, немедленно карайте судом. Суд должен работать со скоростью военно-полевого ... изъятие ... закончить не позже 15-мая» [62].

В акте об изъятии церковных ценностей из Спасо-Евфросиньевского монастыря от 10 мая 1922 года отмечалось, что всего было изъято «... весом чистого серебра: восемь пудов, двадцать девять фунтов, семнадцать золотников, двадцать три доли» [63].

Кроме того, только чистого серебра было изъято из Николаевского собора более 30 фунтов [64], из Софийского собора – около 13, из католического костела – более 21 фунта [60, с. 61], из Богоявленской церкви – более 20 фунтов [65], из Экиманской церкви « ... всего весом чистого серебра три фунта пятьдесят один золотник» [66].

После завершения изъятия церковных ценностей в Полоцке губернскими властями предписывалось «... составить опись ... с указанием веса, качества каждого предмета, после этого немедленно отправить ... в Витебск ... надежным конвоем. Неисполнение повлечет предание суду» [67].

При этом, несмотря на угрозу суда, периодически происходили растраты конфискованного церковного имущества реквизиционными комиссиями. По этой причине Витебские губернские органы НКВД настаивали прекратить в Полоцке «... всякую реализацию имущества и предметов ... ликвидированных монастырей, храмов, молитвенных домов и других богослужебных зданий» [68].

В отношении объектов историко-культурного наследия городские власти Полоцка действовали в русле утилитарного использования. 26 декабря 1926 года в здании закрытого властями Софийского собора начал работу Краеведческий музей. Он был основан на базе материалов, собранных краеведческими кружками Полоцка и комиссией по охране памятников искусства. Первым директором музея стал С.М. Бреский [69, с. 5]. С 1927 года музей был размещен в здании бывшей лютеранской кирхи, которая была закрыта властями еще в 1924 году [70, с. 17].

В том же 1937 году планировалось переоборудовать Николаевский собор под физкультурный клуб [71], но эти планы не были реализованы.

В 1920-х – 1930-х годах довольно насыщенной была литературная жизнь Полоцка. В городе начинали свой творческий путь поэты и писатели, которые впоследствии стали мастерами белорусской литературы: Т. К. Ходкевич, П. У. Бровка, Э. Л. Самуйленок [72, с. 75].

В 1925 году сначала на комсомольской работе в Полоцке, а затем в редакции окружной газеты «Чырвоная Полачына» работал П. У. Бровка. В 1927–1928 годах в Полоцком педтехникуме учился

Т. К. Хадкевич. В 1929 году он перешел на работу в газету «Чырвоная Полаччына», в которой публиковал свои произведения [11, с. 194].

Значительное место в формировании советской действительности Полоцка в период 1917–1941 годов занимали средства массовой информации.

Первоначально организация газетного дела в Полоцке была сопряжена с большими трудностями. Однако, учитывая значение, которое большевики придавали средствам массовой информации, материально-техническая база печатного дела в Полоцке была вскоре значительно улучшена [73, с. 38].

Содержание первых полоцких газет было наполнено революционным идеализмом. Так, в январе 1918 года, накануне открытия Полоцкого уездного съезда советов газета «Известия армейского совета солдатских депутатов III армии, Полоцкого совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» призвала избирать делегатами людей, которые бы сознательно стремились к созданию новой жизни, к восстановлению справедливости между людьми [74]. Эта же газета, но уже от 31 января 1918 года передавала: «... Взволнованный до слез, ... и истерзанный держит ... народ красное знамя социализма» [75].

К середине 1920-х годов идеалистический пафос революционных лет окончательно спал. С февраля 1926 года в Полоцке газеты стали издаваться и на белорусском языке [76, с. 12].

Основной задачей полоцких СМИ было то, что они занимались информированием в свете очередных партийных событий, читателей о наиболее важных событиях жизни округа (района), города, Советской Беларуси и СССР в целом.

Так, газета «Полоцкий пахарь» в номере от 14 марта 1925 года доводила до сведения читателей о поездке «всесоюзного старосты» М. И. Калинина по селам Западной Грузии: «... товарищ Калинин обратил внимание местной власти на необходимость выдержанного отношения в вопросах, связанных с религией» [77, с. 1].

Однако роль СМИ состояла не только в сборе и передаче информации – в отображении повседневной реальности. Средства массовой информации в формирующейся тоталитарной системе выступали зачастую в роли создателей этой «реальности».

В частности, газета «Чырвоная Полаччына» в номере от 15 января 1934 года писала, что настроение масс характеризуется «... глубокой верой в силы ... партии, ... готовностью по первому зову ... идти в бой, ... ЛУЧШЕ работать под руководством парторганизации» [78, с. 1].

Если печатное дело в Полоцке уже в 1920-х годах было довольно развито, то телефонная связь оставалась желать лучшего. По этому поводу председатель Полоцкого окрисполкома 7 января 1925 года, писал заведующему городской телефонной сетью, что «... телефонная связь в Полоцке ... не выдерживает никакой критики, ... приходится простаивать около телефона добрых полчаса и не дождавшись результатов уйти» [79]. В связи с этим председатель окрисполкома требовал в срочном порядке разработать конкретные мероприятия по улучшению существующей телефонной связи в городе [79].

К началу 1930 годов качество телефонной связи заметно улучшилось, а основные учреждения города были обеспечены телефонными аппаратами.

Характерной чертой социальной атмосферы 1920-х – 1930-х годов в СССР являлась милитаризация общественного сознания, проявлявшаяся во многих аспектах повседневного бытия советских людей.

В 1927 году в Полоцке была создана городская организация Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству (ОСОАВИАХИМ), которая в 1930-х годах имела ячейки во всех учреждениях и предприятиях города. Активно создавались стрелковые кружки, в том числе и среди детей [80], проводились соревнования на получение звания «Ворошиловский стрелок» [13] (рис. 4).

Рисунок 4. – Воспитанники Полоцкого детского дома №1 на занятиях стрелкового кружка, 1936 год [80]

Источник: НПИКМЗ. – Ф. КП. Оп. 201684-09.

В 1930-х годах советская власть культивировала у населения психологию «бойцов осажденной крепости». Яркий тому пример пеший переход группы полоцких комсомольцев – членов ОСОАВИАХИМ (в составе 20 человек) в противогазях по маршруту Полоцк – Минск. Он был начат 30 ноября 1935 года, длился 24 дня, за которые участники похода прошли 467 км. Командир перехода Д. Глушков подчеркивал: «... Мы получили огромный опыт оборонной работы. ... Этот опыт мы перенесем в наш приграничный район. Полотчина станет крепостью обороны!» [81].

Такую же идеологическую цель преследовал марафонский забег бойцов и командиров Полоцкого 14 стрелкового полка на 42 км, который состоялся 6 июня 1936 года [82].

С одной стороны, милитаризация сознания и повседневной жизни советских людей была характерной общественно-политической чертой СССР в 1930-х годах и проистекала из политики ВКП(б), готовившей страну к войне с «империализмом», а с другой – в Полоцке эта линия имела объективное содержание, поскольку государственная граница до 1939 года пролегла в 35 км от Полоцка, что сильно сказалося на жизни города в предвоенный период [72, с. 74].

В силу близости советско-польской границы в Полоцке был установлен пограничный режим. Для въезда в город необходимо было иметь пропуск, в поездах и на дорогах у города проверялись документы. После введения паспортов в СССР в 1932 году пропуск для въезда в город больше не требовался, так как у всех местных жителей в паспорте появилась пометка о прописке в пограничной зоне [13]. Кроме того, начиная с 1921 года в городе был введен комендантский час, который действовал вплоть до 1939 года. Так, приказом № 29 от 30 августа 1921 года начальником Полоцкого гарнизона строго предписывалось «... с 1-го сентября сего года всякое движение по городу после 11 часов вечера прекращается, к тому же времени должны быть закрыты все увеселительные места» [83].

Всякий гражданин, приехавший в Полоцк по пропуску и не являвшийся жителем города, должен был явиться в тот же день для регистрации в пограничный отряд. В городе также запрещалось самовольно производить фотосъемку. Для этого нужно было получить специальное разрешение погранотряда и впоследствии фотографирование могло проводиться только в присутствии его представителя [13].

В Полоцке и его окрестностях наблюдалась большая концентрация воинских частей. В городе дислоцировались: 5-я стрелковая Витебская Краснознаменная дивизия имени Чехословацкого пролетариата, 13-й и 14-й пехотные полки, кавалерийский дивизион, 5-й арtpолк. Кроме того, воинские части размещались в Боровухе, Экимани, Дретуни и Ветрино [13].

Вместе с тем присутствие красноармейцев в Полоцке далеко не всегда являлись гарантом общественного порядка в городе. Так, фиксировались неоднократные случаи «... появления на улицах города в нетрезвом виде военнослужащих ... Красной армии ... позволяющих себе безобразное поведение» [84]. Более того, 5 октября 1922 года «... несколько красноармейцев явились на мост, проходящий через реку Западную Двину, разогнали имеющуюся там ... охрану моста и опрокинули две будки, в которых находилась охрана» [85].

Кроме того, высокая концентрация воинских частей в Полоцке и его окрестностях создавала прецеденты к конфронтации военных с гражданскими структурами. Так, председатель Дретуньского рыболовецкого колхоза писал жалобу от 22 августа 1936 года на имя начальника Полоцкого гарнизона, что командир Дретуньского арtpолгона «... систематически препятствует лову рыбы на 10 озерах, расположенных на полигоне» [86].

Милитаризация городской атмосферы Полоцка проявлялась в состоянии повышенной мобилизационной готовности рабочих и служащих, повышенной секретности и бдительности в отношении выявления вероятных «шпионов и диверсантов», закрытости городского пространства для приезжих.

При этом пограничное положение Полоцка дополнительно способствовало увеличению роста преступности в городе, что в свою очередь требовало «... от учреждений уголовного розыска проявления максимум энергии ... в работе по борьбе с преступным элементом» [87], особенно эта проблема была актуальна в первой половине 1920-х годов. В сентябре 1924 года в городе было зафиксировано 68 преступлений, в том числе 5 убийств, 20 грабежей и разбоев, 21 кража и 10 прочих корыстных преступлений [88].

Однако методы органов милиции в процессе дознания не всегда были законными, могли применяться угрозы для получения «признания». По этому поводу 17 января 1923 года председатель Полоцкого уисполкома писал начальнику городской милиции, что «... времена угроз отошли в вечность и красные командиры в них не нуждаются» [89].

В конце 1920-х – начале 1930-х годов с постепенным развитием социальной сферы в Полоцке наметилась стабилизация общественного порядка и уровень преступности пошел на спад.

Политика усиления оборонной работы была доминантой в деятельности партийно-советских органов во второй половине 1930-х годов. Состоявшийся 14–17 июня 1936 года первый съезд Полоцкого окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов ставил в качестве важнейшей и основной задачи преобразование Полоцкого округа «в цитадель обороны» [90, с. 15].

Помимо наращивания в 1930-х годах обороноспособности страны и Полоцка в частности, одним из элементов повседневной жизни города являлись организованные властями политические кампании, которые должны были служить подтверждением сталинского тезиса о безоговорочной победе социализма в СССР. Выражалось это как в выборах в Советы депутатов, так и массовой истерией по осуждению «врагов народа».

В декабре 1937 года состоялись выборы в Верховный Совет СССР. Подводя итоги выборов, бюро Полоцкого окружкома КП(б)Б подчеркивало, что в голосовании : «... приняли участие ... 97,3% – от общего числа избирателей и 98% отдали свои голоса за выставленную кандидатуру т. Бермана» [91].

Тем самым полочане, по утверждению партийных пропагандистов, единодушно поддержали кандидата блока коммунистов и беспартийных, продемонстрировав «несокрушимое единство партии и народа», что являлось одной из целей работы партии по формированию социалистического образа жизни.

20 августа 1936 года газета «Большавик Полаччыны» опубликовала постановление бюро Полоцкого окружного комитета КП(б)Б «О троцкистско-нацдемовской работе в Полоцком педтехникуме». В нем говорилось, что «... остатки разбитой контрреволюционной нацдемовщины ... до последнего времени продолжали свою подрывную ... деятельность ... в области подготовки высококвалифицированных и идеологически выдержанных учителей» [92, с. 1].

Постановлением бюро Полоцкого окружного комитета КП(б)Б от 24 августа 1936 года из рядов КП(б)Б был исключен директор лесного техникума В. М. Велович. Его обвинили в том, что он «... про- таскивал в техникуме идеологию троцкизма при преподавании истории партии» [93].

В том же 1936 году властями было объявлено о раскрытии ученической контрреволюционной группы в школе Народного комиссариата путей сообщения № 13 [94] и разоблачении членов контрреволюционной троцкистской группы в 59-й школе ст. Полоцк где, по данным следствия, имели место такие «контрреволюционные вылазки», как «... рисование фашистских знаков, порез портрета т. Сталина» [95].

22 июня 1937 года бюро Полоцкого РК КП(б)Б приняло постановление «О утрате революционной бдительности в руководстве Полоцкого педтехникума». В нем отмечалось, что на протяжении 1936–1937 учебного года в педтехникуме преподавалась «... исключительно буржуазная педогогика, ... не было большевистской, партийной принципиальности» [96].

Решением бюро директор педагогического техникума был исключен из партии [97], материалы о «вредительской контрреволюционной деятельности» педагогов были переданы следственным органам [98].

Постановлением бюро Полоцкого РК КП(б)Б от 21 июля 1937 года был снят с работы редактор газеты «Большавик Полаччыны» Б. Зельманов, который допустил в газете «... антисоветские, вражеские вылазки, как-то искажение портрета т. Сталина, искажение телеграммы т. Сталина ... руководителей партии и правительства» [99].

Политические чистки, проводившиеся в 1930-х годах, преследовали цель не только устрашения граждан мощью тоталитарного государства. Они разрушали солидарность людей, способствовали атомизации личности, делали невозможным возникновение гражданского общества. Поэтому в истории Полоцка конца 1920-х – 1930-х годов не возникало каких-либо проявлений воли городского сообщества, отличных от тех, которые устанавливались властями.

Годы революции, гражданской войны и иностранной военной интервенции, политика НЭПа и социалистическая индустриализация в годы первых пятилеток существенным образом повлияли на демографическую структуру Полоцка.

По данным демографической переписи 1920 года в Полоцке проживало 14708 жителей, в том числе 6997 мужчин, 7711 женщин [100].

При этом приграничное положение города являлось сдерживающим фактором механического прироста населения Полоцка [101, с. 302]. Тем не менее, на всем протяжении 1920-х годов происходил неуклонный рост городского населения.

Городская перепись 1923 года зафиксировала, что в Полоцке проживало 18194 человека (8652 мужчины и 9542 женщины) [102].

По мере роста промышленной и социальной инфраструктуры города в Полоцке из года в год увеличивалось число горожан: на 1 января 1924 года их было 20886, на 1 января 1925 года – 22492 человек [8, с. 360]. Уже на 17 июля 1926 года Всесоюзная перепись населения зафиксировала в Полоцке 25826 человек, из них 14458 мужчин и 11368 женщин [103, с. 8].

На 1 января 1939 года в Полоцке было 29577 жителей [8, с. 361], из них 13770 мужчин (46,56 %) и 15807 женщин (53,44 %) [101, с. 301].

В конце 1930-х годов доля детей до 14 лет в населении Полоцка составляла 33,1 %, что свидетельствовало о наличии потенциала трудовых ресурсов [101, с. 299].

Полоцк начала XX века, как и любой город западных губерний Российской империи, был городом многонациональным. Одной из самых значительных по численности и влиянию на городскую жизнь бы-

ла еврейская община. Данные городской переписи 1923 года дают представление о пропорциях между различными национальными сообществами. Так, белорусы составляли 41,8 % горожан Полоцка, евреи – 41 %, русские – 13,9 %, поляки – 2,94 %, украинцы – 2,25 % [34, с. 33].

Косвенные сведения о многонациональном характере населения Полоцка предоставляют данные о приходе-расходе газет, журналов и листовок в Полоцке в период с 10 по 25 апреля 1921 года. Так, латышская газета распространялась в Полоцке в количестве 1220 экземпляров, еврейская газета «Штерн» – 286 экземпляров, польская газета – 140 экземпляров, финская и эстонская газеты – по 60 экземпляров [104].

На протяжении 1920-х – 1930-х годов происходило уменьшение еврейского компонента в составе горожан Полоцка. В результате выезда большого числа евреев в другие районы СССР, главным образом в крупные промышленные центры, а также в США и Палестину.

Данные переписи 1939 года дают представление о национальном составе горожан Полоцка в конце 1930-х годов.

Таблица 1. – Национальный состав горожан Полоцка в конце 1930-х годов

Национальность	Количество жителей	Проценты от общего числа горожан
Белорусы	17032	57,59 %
Русские	4890	16,53 %
Евреи	6464	21,85 %
Украинцы	614	2,08 %
Поляки	211	0,71 %
Прочие	366	1,24 %

Источник: составлено на основании [36, с. 101].

На протяжении 1920-х – 1930-х годов происходил рост (37,8%) числа белорусов в составе горожан Полоцка. Вызвано это было индустриализацией и порожденной ею миграцией крестьян в город. Несколько увеличилась численность русских в составе горожан, что было обусловлено увеличением численности военнослужащих в полоцком гарнизоне и переездом в Полоцк партийно-советских функционеров с семьями.

Заключение. В период с 1917 по 1941 годы в результате социально-экономических и культурных процессов, происходивших в БССР в этот период, в Полоцке произошли коренные изменения в социальной сфере.

Создана система образования и детских садов, охватившая всех детей школьного и дошкольного возрастов, также в городе появились учреждения профессионального образования. Значительно выросла материально-техническая и кадровая база обучения и воспитания, практически ликвидирована неграмотность среди взрослого населения.

В Полоцке в довоенный период создана доступная всем слоям населения система здравоохранения (больницы, диспансеры, амбулатории) и социальной защиты сирот и инвалидов, значительно превосходившая по своим возможностям дореволюционное время.

В рамках культурной революции в Полоцке были организованы клубы, библиотеки, творческие объединения, что позволило горожанам реализовывать свои творческие способности через систему культурных учреждений и различных форм художественной самодеятельности.

Важной составляющей социальной сферы в Полоцке в середине 1920-х годов было проведение политики белорусизации в БССР, которая вызвала крайне неоднозначное отношение к ней в городе. Белорусизацию приветствовала лишь незначительная часть интеллигенции, но настойчиво и враждебно к политике белорусизации отнеслось большинство педагогов и служащих Полоцка.

В 1920-х годах в Полоцке получило развитие краеведческое движение. Отношение к памятникам историко-культурного наследия определялось идеологическими установками, вследствие чего культовые учреждения в городе были закрыты, частично были разрушены или использовались в утилитарном назначении. В общественном сознании укоренился атеизм, философия социального оптимизма. Происходила милитаризация городского пространства и сознания горожан, насаждалась атмосфера классовой нетерпимости к «врагам народа» и «всеобщей поддержки политики ВКП(б)».

На всем протяжении 1920-х – 1930-х годов происходил количественный рост городского населения, изменялся его национальный состав в сторону увеличения численности белорусов. В результате модернизации и индустриализации в Полоцке в 1930-х годах, в социально-профессиональной структуре горожан стали преобладать представители рабочего класса.

ЛИТЕРАТУРА

1. ПИАЗ. – Ф. КП. Оп. 7-3840.
2. Зональный государственный архив в г. Полоцке. (далее – ЗГАП). – Ф. 54. Оп. 1. Д. 99. Л. 99.
3. Аниськович, М. М. Начальные и средние учебные заведения в Полоцке в 1918–1923 гг. / М. М. Аниськович // *Полацкі музейны штгогоднік* : зб. нав. артыкулаў за 2014 г. / уклад. Т. У. Явіч. – Полоцк : НПКМЗ, 2015. – С. 60–69.
4. ЗГАП. – Ф. 51. Оп. 1. Д. 91. Т. 2. Л. 193 об.
5. Нямчынская, Н. І. Дзейнасць пададзела нацыянальных меншасцяў у адносінах да яўрэйскага насельніцтва г. Полацка (1919–1921) / Н. І. Нямчынская // *Полацкі музейны штгогоднік* : зб. нав. артыкулаў за 2012 г. / уклад. Т. У. Явіч. – Полоцк : НПКМЗ, 2013. – С. 77–84.
6. ЗГАП. – Ф. 54. Оп. 1. Д. 48. Л. 2.
7. ЗГАП. – Ф. 54. Оп. 1. Д. 22. Л. 612.
8. Памяць : гіст.-дакум. хроніка Полацка / рэд. кал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.] ; маст. Э. Э. Жакевіч. – Мінск : БелЭн, 2002. – 912 с.: іл.
9. ЗГАП. – Ф. 51. Оп. 1. Д. 8. Л. 78.
10. Полоцк: исторический очерк / АН БССР, Ин-т истории ; редкол.: П. Т. Петриков, М. О. Бич, И. Е. Марченко [и др.]. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Минск : Наука и техника, 1987. – 320 с.
11. Полоцк: исторический очерк / АН БССР, Ин-т истории ; под ред. И. С. Кравченко, Н. В. Каменской. – Минск : Изд-во АН БССР, 1962. – 286 с.
12. Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник (далее – НПИКМЗ). – Ф. КП. Оп. 014118.
13. ПИАЗ. – Ф. КП. Оп. 5-2774.
14. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 11287. Л. 379.
15. Шамов, В. П. Полоцк – город древний: ист.-экон. очерк. / В. П. Шамов. – Минск : Польша, 1987. – 107 с.
16. ЗГАП. – Ф. 51. Оп. 1. Д. 71. Л. 42.
17. ЗГАП. – Ф. 112. Оп. 1. Д. 137. Л. 2.
18. ЗГАП. – Ф. 51. Оп. 1. Д. 71. Л. 46 об.
19. ЗГАП. – Ф. 104. Оп. 1. Д. 128. Л. 16.
20. Нямчынская, Н. І. У віхуры часу / Н. І. Нямчынская // *Полацкі веснік*. – 2010. – 2 ліст. – С. 5.
21. НПИКМЗ. – Ф. КП. Оп. 024893.
22. НПИКМЗ. – Ф. КП. Оп. 033382.
23. ПИАЗ. – Ф. КВФ1. Оп. 1209.
24. Третьяк, И. Д. Листая страницы истории ... / И. Д. Третьяк // *Полацкі веснік*. – 2009. – 16 чэрв. – С. 5.
25. ЗГАП. – Ф. 104. Оп. 1. Д. 43. Л. 155.
26. ЗГАП. – Ф. 104. Оп. 1. Д. 43. Л. 52.
27. ЗГАП. – Ф. 104. Оп. 1. Д. 43. Л. 50.
28. Борисенок, Ю. А. На крутых поворотах белорусской истории: Общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века / Ю. А. Борисенок. – М. : ООО «Родина МЕДИА», 2013. – 352 с.
29. Боравская, Е. Б. Краткие очерки о довоенной полоцкой медицине / Е. Б. Боравская, В. Б. Боравский // *Матэрыялы навуковай гісторыка-краязнаўчай канф.*: да 75-годдзя Полацкага краязнаўчага музея 18–19 мая 2001 г. / уклад. В. Д. Краско. – Полоцк : НПКМЗ, 2001. – С. 8–13.
30. ЗГАП. – Ф. 51. Оп. 1. Д. 91. Т. 2. Л. 192.
31. ПИАЗ. – Ф. КВФ. Оп. 332/1.
32. Козел, О. В. Развитие физиотрической помощи на Полотчине в 1920-е годы / О. В. Козел // *Матэрыялы навукова-практычнай канф.*: па выніках навукова-даследчай работы ў 2004 г. / уклад. Т. А. Джумантаева. – Полоцк : НПКМЗ, 2005. – С. 15–19.
33. Ильницкий, А. Н. Дай моим больным доверие ко мне и к моему искусству ... (краткие заметки об истории медицины Полоцка) / А. Н. Ильницкий, К. И. Прошаев, О. В. Козел. – СПб. : Система, 2005. – 52 с.
34. Статистический ежегодник. 1923–1924. – Минск : Изд-во ЦСУ БССР, 1925. – 423 с.
35. Козел, О. В. Проблема комплектования и подготовки кадров медицинского персонала на Полотчине в 20–30-е годы / О. В. Козел // *Матэрыялы навукова-практычнай канф.*: па выніках навукова-даследчай работы ў 2005 г. / уклад. Т. А. Джумантаева. – Полоцк : НПКМЗ, 2006. – С. 20–30.
36. ЗГАП. – Ф. 51. Оп. 1. Д. 9. Л. 2.
37. ГАВО. – Ф. 570. Оп. 1. Д. 31. Л. 1.
38. ЗГАП. – Ф. 51. Оп. 1. Д. 44. Л. 1 об.
39. ЗГАП. – Ф. 55. Оп. 1. Д. 121. Л. 2.
40. ЗГАП. – Ф. 51. Оп. 1. Д. 168. Л. 67.
41. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 11287. Л. 18.
42. ЗГАП. – Ф. 104. Оп. 1. Д. 107. Л. 77.
43. ЗГАП. – Ф. 104. Оп. 1. Д. 107. Т. 2. Л. 223.
44. Сяргеевка, Н. А. Установы культуры ў Полацку на пачатку 20-х гадоў XX стагоддзя / Н. А. Сяргеевка // *Матэрыялы навукова-практычнай канф.*: па выніках навукова-даследчай работы ў 2004 г. / уклад. Т. А. Джумантаева. – Полоцк : НПКМЗ, 2005. – С. 79–93.
45. ЗГАП. – Ф. 54. Оп. 1. Д. 279. Л. 9.
46. ЗГАП. – Ф. 54. Оп. 1. Д. 34. Л. 49.
47. НПИКМЗ. – Ф. КП. Оп. 003151-08.
48. ЗГАП. – Ф. 112. Оп. 1. Д. 48. Л. 43.

49. ЗГАП. – Ф. 104. Оп. 1. Д. 128. Л. 72.
50. ЗГАП. – Ф. 112. Оп. 1. Д. 137. Л. 11 а.
51. ЗГАП. – Ф. 104. Оп. 1. Д. 177. Л. 84.
52. ЗГАП. – Ф. 112. Оп. 1. Д. 137. Л. 11.
53. ЗГАП. – Ф. 104. Оп. 1. Д. 81. Л. 5.
54. Краско, В. Д. Краязнаўчы рух на Полаччыне ў 20-я гг. XX ст. / В. Д. Краско // Матэрыялы навуковай гісторыка-краязнаўчай канф.: да 75-годдзя Полацкага краязнаўчага музея 18–19 мая 2001 г. / уклад. В. Д. Краско. – Полацк : НПГКМЗ, 2001. – С. 56–59.
55. Довгяло, Н. В. Административно-контрольные мероприятия органов Советской власти по отношению к конфессиям в 1924–1939 гг. (на примере Полоцкого округа) / Н. В. Довгяло // Полацк у гісторыі і культуры Еўропы : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Полацк, 22–23 мая 2012 г. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі, Полацкі дзярж. ун-т; рэд. кал.: А. А. Каваленя [і інш.]; навук. рэд., уклад. В. М. Ляўко. – Мінск : Беларус. навука, 2012. – С. 306–313.
56. ЗГАП. – Ф. 51. Оп. 1. Д. 115. Л. 131.
57. ЗГАП. – Ф. 51. Оп. 1. Д. 115. Л. 133.
58. ЗГАП. – Ф. 51. Оп. 1. Д. 91. Л. 71.
59. Иванова, Т. П. Регламентация деятельности религиозных общин на Полотчине в первые годы Советской власти / Т. П. Иванова // Полацк у гісторыі і культуры Еўропы : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Полацк, 22–23 мая 2012 г. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі, Полацкі дзярж. ун-т; рэд. кал.: А. А. Каваленя [і інш.]; навук. рэд., уклад. М. В. Ляўко. – Мінск : Беларус. навука, 2012. – С. 287–295.
60. Сяргеева, Н. А. «Аперацыя «Баевік»: мерапрыемствы савецкай улады па канфіскацыі царкоўных каштоўнасцей і ліквідацыі мошчаў святых на Полаччыне напачатку 1920-х гг. / Н. А. Сяргеева // Матэрыялы навукова-практычнай канф. (па выніках навукова-даследчай работы ў 2003 г.) / уклад. Т. А. Джумантаева. – Полацк : НПГКМЗ, 2004. – С. 58–63.
61. Витебская губерния 1917 – 1924 гг.: док. и материалы / сост.: Н. В. Воронова [и др.]; ред. кол.: В. И. Адамушко [и др.]. – Витебск : Витеб. обл. тип., 2012. – 408 с.: ил.
62. ЗГАП. – Ф. 51. Оп. 1. Д. 108. Л. 14.
63. ЗГАП. – Ф. 51. Оп. 1. Д. 108. Л. 54.
64. ЗГАП. – Ф. 51. Оп. 1. Д. 108. Л. 108.
65. ЗГАП. – Ф. 51. Оп. 1. Д. 108. Л. 64.
66. ЗГАП. – Ф. 51. Оп. 1. Д. 108. Т. 2. Л. 138.
67. ЗГАП. – Ф. 51. Оп. 1. Д. 108. Л. 19.
68. ЗГАП. – Ф. 51. Оп. 1. Д. 108. Л. 15.
69. Воднева, І. П. У музея – юбілей / І. П. Воднева, С. В. Гаўрылава // Полацкі веснік. – 2011. – 15 ліст. – С. 5.
70. Гаўрылава, Славіна. Захаваць гістарычную памяць / Славіна Гаўрылава // Полацкі веснік. – 2016. – 16 снеж. – С. 17.
71. ЗГАП. – Ф. 104. Оп. 1. Д. 177. Л. 85.
72. Каліноўскі, І. І. Полацк і яго ваколiцы / І. І. Каліноўскі. – Мінск : Выш. шк., 2005. – 143 с.
73. Воднева, І. П. Перыядычны друк на Полаччыне ў першай палове XX стагоддзя (1917–1936) / І. П. Воднева // Матэрыялы гісторыка-краязнаўчай канф.: да 80-годдзя Полацкага краязнаўчага музея 22–23 ліст. 2006 г. / уклад. В. Д. Краско. – Полацк : НПГКМЗ, 2008. – С. 33–46.
74. ПИАЗ. – Ф. КП. Оп. 3974.
75. ПИАЗ. – Ф. КП. Оп. 7-3844.
76. Третьякова, О. И. Из истории создания Полоцкой газеты / О. И. Третьякова // Тэзісы дакладаў навуковых супрацоўнікаў запаведніка па выніках працы (навукова-практычныя канферэнцыі 1989, 1990 гадоў). – Полоцк, 1991. – С. 11–12.
77. По союзу Советских Республик / Красный пахарь. – 1925. – 14 мар. – С. 1.
78. Да вынікаў III райпартканферэнцыі / Чырвоная Полаччына. – 1934. – 15 янв. – С. 1.
79. ЗГАП. – Ф. 104. Оп. 1. Д. 75. Л. 7 об.
80. НПИКМЗ. – Ф. КП. Оп. 201684-09.
81. ПИАЗ. – Ф. КДФ. Оп. 1-1163.
82. ЗГАП. – Ф. 104. Оп. 1. Д. 107. Л. 91.
83. ЗГАП. – Ф. 51. Оп. 1. Д. 39. Л. 99.
84. ЗГАП. – Ф. 51. Оп. 1. Д. 91. Т. 2. Л. 268.
85. ЗГАП. – Ф. 51. Оп. 1. Д. 91. Т. 2. Л. 221.
86. ЗГАП. – Ф. 115. Оп. 1. Д. 23. Л. 212.
87. ЗГАП. – Ф. 51. Оп. 1. Д. 86. Л. 56.
88. ЗГАП. – Ф. 104. Оп. 1. Д. 38. Л. 72 об.
89. ЗГАП. – Ф. 51. Оп. 1. Д. 129. Л. 41.
90. Пастанова першага Полацкага акруговага з'езда Саветаў рабочых, сялянскіх і чырвонаармейскіх дэпутатаў, 14–17 чэрвеня 1936 г. / Полацкі Акруговы з'езд Саветаў рабочых, сялянскіх і чырвонаармейскіх дэпутатаў, І-шы. Полацк, 1936 г. – Полацк : Выданьне Полацкага АВК, 1936. – 18 с.
91. НАРБ. – Ф. 4 п. Оп. 1. Д. 11133. Л. 72.
92. Аб тракцісцка-нацдэмаўскай рабоце ў Полацкім педтэхнікуме / Большэвік Полаччыны. – 1936. – 20 ж. – С. 1.
93. НАРБ. – Ф. 4 п. Оп. 1. Д. 9519. Л. 204.
94. НАРБ. – Ф. 4 п. Оп. 1. Д. 11287. Л. 50 а.
95. НАРБ. – Ф. 4 п. Оп. 1. Д. 11287. Л. 94.
96. НАРБ. – Ф. 4 п. Оп. 1. Д. 11287. Л. 209.

97. НАРБ. – Ф. 4 п. Оп. 1. Д. 11287. Л. 210.
98. НАРБ. – Ф. 4 п. Оп. 1. Д. 11287. Л. 211.
99. НАРБ. – Ф. 4 п. Оп. 1. Д. 11287. Л. 384.
100. ЗГАП. – Ф. 54. Оп. 1. Д. 48. Л. 2.
101. Старовойтова, М. И. Население Полоцка и Полотчины в 1920–1930-е годы: этнодемографические и социокультурные изменения / М. И. Старовойтова // Полоцк у гісторыі і культуры Еўропы : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Полоцк, 22–23 мая 2012 г. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі, Полоцкі дзярж. ун-т; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]; навук. рэд., уклад. М. В. Ляўко. – Мінск : Беларус. навука, 2012. – С. 297–305.
102. ЗГАП. – Ф. 104. Оп. 1. Д. 78. Л. 127.
103. Всесоюзная перепись населения 1926 года / Издание ЦСУ Союза ССР. – М., 1928. – Т. X. Белорусская Советская Социалистическая Республика. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. – 290 с.
104. ЗГАП. – Ф. 54. Оп. 1. Д. 48. Л. 21.

Поступила 20.01.2016

SOCIAL SPHERE OF POLOTSK IN YEARS 1917-1941

A. OGORODNIKOV

Here is considered the transformation of the social sphere of Polotsk in the period of 1917-1941, spread for all space of urban life – from work and routine conditions, way of life, well-being and leisure of citizens, till social-class, confession and national relations. They analyze cardinal changes in Polotsk in the system of education, culture, public health, social welfare, communal services, in mentality and urban space. The conclusion is done that the corresponding transformation was created by social-economic and political processes, passing in the BSSR since the October revolution till the beginning of the Great Patriotic war.

Keywords: *Polotsk, urban space, social sphere.*